

Матьяна
Фроловская

СУММА СМЫСЛОВ

Заметки при прочтении книги о М.М. Хераскове

Наталья Гранцева. «Неизвестный рыцарь России».
Санкт-Петербург. Изд. «Журнал «Нева», 2015.

Чужие опыты – зачем нам?
Зачем старинный взгляд системный
Уму мешает быть шутом?
Нет ничего смешней бесплодных
Стенаний о былом бесплотном –
Прекрасном, древнем, золотом.

Наталья Гранцева

На заре прекрасной юности, когда я робко носила свои стихи по редакциям, ещё ничего не зная о себе, маститый для нашей местности критик «разнёс» меня публично в печати одной фразой: «Неужели она не понимает, что так писали 190 лет тому назад!». Я была очень расстроена краткостью публикации (другие удостоились 5-8 похвальных строк, а я одна – одной – ругательной). Я перебирала в памяти авторов XVIII века, никто не согревал меня. Моё огорчение было заметно. На большой дороге мне встретился друг нашей семьи – пушкинист – будущий профессор Ленинградского университета. Пушкинист, по праву близкого знакомства, не читал ни одной моей строчки. Пришлось объясняться за свой всклокоченный вид. Заглянув в журнал, друг мой сказал: «В Хераскова попал – а это хорошая школа – претеча Пушкина. Отзыв обнадёживающий».

Боже мой! Сколько лет прошло, но, благодаря тому напутствию, для меня книга Натальи Гранцевой «Неизвестный рыцарь России» о М.М. Хераскове оказалась душевно близкой. По крайней мере, автор не открыл для меня Америку, и мой трудолюбивый и любопытствующий настрой доставил мне истинное наслаждение возвратом к временам, когда за год-два мы проходили века мировой культуры и истории, которые сидят в голове прочнее современных однодневных новостей.

Что главное я вынесла из этой книги? Соприкосновения с XVIII веком, который начался для меня не в практическом чтении Михаила Хераскова для сдачи экзамена

на, а с признания его заслуг перед отечественной словесностью самим Пушкиным. Имя Ратмир перекочевало в поэму «Руслан и Людмила» из стихотворной повести Хераскова в семи песнях «Царь, или спасённый Новгород», а Рогдай – из более ранней поэмы «Владимир». Прилежный читатель Хераскова!

... Когда речь идёт о «Руслане и Людмиле» – мы принимаем: бесспорный анализ Гранцевой в «Приложении 2» – «Учёный кот Херасков», поклонение и восторженное скрытое цитирование, воспроизведение имён и коллизий «Россиады» и многое другое. Но нигде мы не найдём архаики XVIII века – Поэма на 6 «песен» («Россиада» – 12 песен) написана современным языком Пушкина, с глубоким поклоном предшественнику перед лицом друга и поэта Жуковского, восхищавшегося Херасковым, признавшего победу ученика ещё и за то, что он со столь глубоким уважением поминал предшествующий век.

Другое дело проза предпоследнего года жизни Пушкина. Вот тут XVIII века, почерпнутого из Хераскова, в том числе, неизмеримо больше, чем в ранней поэме. Изыщество, с каким Пушкин транспонирует русскую стихотворную историю в прозу «Капитанской дочки» – его личная «Россиада» – не «Бахариана», ориентированная на мировые темы и сюжеты, а именно русская недавняя история, случившаяся в тех же местах, что указаны в поэме Хераскова, и узнаваемая по указателям: эпитафиям и стилю, воспроизводящим XVIII век.

Поразительна верность Пушкина «учителям своим» на протяжении всей сознательной жизни. Думаю, М.М. Херасков тоже поздравил бы ученика, победившего учителя. Кому-кому, а ему каждое заимствование или отсылка, или намёк, даже выбор народных песен были бы внятны, как нам, блоковским «скифам», «внятно всё...»

Моя любимая «Капитанская дочка», стилизованная под авторство юноши из пугачёвского времени, включает ураган эпитафий из XVIII века. Однако мы не так легковёрны, чтобы не отличить взгляд человека 19 века от «архаики» эпитафий авторов, действительно, к этому веку принадлежащих. Но однажды так называемый издатель «Записок Гринёва» совпал с персонажем, сочинившим в стиле столетней давности песенку для своей возлюбленной: «Ты узнав мои напасти, // Сжался, Маша, надо мной, // Зря меня в сей лютой части // И что я пленён тобой». Петру Гринёву автор придал свои черты. Своим именем он бы этих стихов в жизни не подписал. Впрочем, публикация «Капитанской дочки» не указывала, что «Записки Гринёва» – книга Пушкина. У автора были развязаны руки, он с удовольствием мистифицировал во имя правды жизни, не гонясь за своей славой.

В «Капитанской дочке» к 9-ой главе «Разлука» эпитафия: «Сладко было спознаться // Мне, прекрасная, с тобой; // Грустно, грустно расставаться, // Грустно будто бы с душой» – взят из одноименного стихотворения Хераскова; к 10-ой – «Осада города» – прямо из «Россиады»: «Заняв луга и горы, // С вершины, как орёл, бросал на град он взоры. // За станом повелел соорудить раскат, // И в нём, перуны скрыв, в ночи привести под град».

Как это убедительно доказывает мысль Н. Гранцевой, что Пушкин досконально знал М.М. Хераскова, что не зря он в свою лицейскую пору прочёл книгу Хераскова, и что Михаил Матвеевич Херасков стоял у его литературной колыбели, как наставник.

... В поэме «Бахариана», которую Н. Гранцева пересказывает в книге дважды: один раз в главе 3 – «Приключения неизвестного» – прозой с комментариями и пространными стихотворными фрагментами, 2-й раз в «Приложении 1 «Бахариана (фрагменты)»». Так Михаил Херасков и 10000 стихов его последней поэмы представлены довольно подробно. В поэме «Бахариана» «Неизвестного рыцаря России» собрана вся мировая литература, известная университетски образованному педагогу М.М. Хераскову: и сама Россия и её исторические персонажи. В тексте сказки прочтём: «Сад не мог от быстрых взоров / Неизвестного сокрыть / Дом, где вечно жив Суворов, Где Румянцев будет жить... / Здесь Орловы, Репнины...» Неизвестный уподобляется Дон Кихоту, а Нимфа из древнегреческих, до нашей эры, текстов навеивает воспоминания: «Клеопатрою прельщённый / Храбрый Цезаревый друг / Славу, честь теряет вдруг, / Сил и разума лишённый; Александр с Таисой спит / Персеполь когда горит». Века не имеют значения – Персеполь горел в 4 веке до р. х., а «храбрый Цезаревый друг с Клеопатрой» родились через 300 лет.

По словам Н. Гранцевой: «Читателю, познакомившемуся с кратким изложением «Бахарианы», теперь станет понятнее, почему старшие современники были поражены этим замечательным во всех смыслах произведением, почему его получил в подарок лицеист Пушкин, почему им зачитывался юный Гоголь, почему позднее его разыскивал по всем книжным лавкам поэт Николай Языков...»

А само название «Бахариана» от слова «бахарь» – по Далю (новгородское, вологодское, нижегородское, вятское – охвачено пол-России областей великорусского языка) имеет 8 значений: «говорун, краснойбай, рассказчик, сказочник, хвостун, бахвал, заговорщик, знахарь». «Бахорить – болтать, гуторить». Каждое значение имеет свой оттенок, но в любом случае несколько пренебрежительный. «Бахариана», (опубликованная без имени автора), как бы улыбка над самим собой. Мастер такой улыбки Пушкин. Уже закончив поэму «Руслан и Людмила» Пушкин написал вступление: «У лукоморья дуб зелёный, Златая цепь на дубе том, И днём и ночью кот учёный Всё ходит по цепи кругом. Пойдёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит...» Не кот, а настоящий бахарь. «Приложение 2» книги Гранцевой называется «Учёный кот Херасков». Хорошо понимали автора «Бахарианы» Жуковский и Пушкин, и понимает примкнувшая к ним Наталья Гранцева! Как Жуковский поздравил победителя-ученика за это сокровенное знание, так литературные предки могут поздравить победителя-потомка!

... Из распрорусских русский поэт Херасков М.М., зорко следивший за литературными новостями, с восторгом отозвался на открытие «Слова о Полку Игореве» и добавил в третье издание поэмы «Владимир» (1797 год) такие слова:

Ты, может быть, Баян, тому свидетель был,
Когда Владимир в Тавр закон приять ходил,
Твой дух ещё когда витает в здешнем мире!
Води моим пером, учи играть на лире...

А вот отрывок из «Бахарианы», где нет исторического времени, есть только пространство для путешествий и приключений:

Мне бы слогом петь всегда одним...
Как Боян, пел древний соловей...
Где орлом парит в бою певец,

Слышатся там ропот, шум и гром;
Вот для нас достойный образец,
Как дела героев воспевать;
Важный в нем Гомер и Оссиян
С Ломоносовым сливаются;
А Боян ещё важнее был,
Песнопевцем прославляемый,
Соколам уподобляемый.

Он сравнивает вещего Бояна с «Оссианом» – легендарным бардом III века и Гомером, т.е., распространяет его эпос на всю мировую литературу. М.М. Херасков получил звание «Русский Гомер» за свои многотысячестрочные стихи и поэмы. Но Оссиан, якобы переведённый с кельтского на английский язык Макферсоном, был порождением XVIII века. Пушкин был очень вдохновлён «Словом». У этого жгучего интереса к русской древности была родословная, ближайший предок в ней Херасков. Профессор МГУ, литературовед А.Н. Веселовский пишет в 1918 г.: «Пушкин работает в Кишинёве над планом «Владимира», причём, хотел воспользоваться былинами, «Словом о полку Игореве», Тассом – и Херасковым». Жанр оссиановско-славянорусской повести был мил Пушкину. Именно этот жанр породил буйную дискуссию, до сих пор не закончившуюся, об авторе «Слова» – не мистификация ли это XVIII века? Оглядевшись, Пушкин убедился и нас убедил, что равного автору «Слова» поэта нет в доступной ему и русской литературе: «... к сожалению, старинной словесности у нас не существует. За нами тёмная степь и на ней возвышается единственный памятник – «Песнь о полку Игореве».

... Сколько я не читала материалов о Хераскове, везде написано после «поэт» – «деятель российского масонства». Глава 2 книги Н. Гранцевой называется «Масон или не масон?» Однако ей не кажется, что этот вопрос закрыт, и она возвращается к нему в главе «Первый литературный квест». В конце концов, имеет ли это значение? Русское масонство в корне отличалось от европейского: гонимое и даже «разгромленное» во времена Екатерины II, оно процветало при дворе Павла I до смерти матери и восшествия Павла на престол. Когда Павел стал императором, нужда в конфронтации и оппозиционности отпала, и доля скепсиса нарастала. Павел более не позировал художникам в реалиях масонов, но при дворе появились вернувшиеся из ссылки и опалы масоны, угодившие в изгнание по манию Екатерины II. Довольно вяло русские «вольные каменщики» служили при дворе Павла, уйдя в «подполье». Наследник Павла I – Александр I – специальным указом 1822 года масонство и тайные общества запретил.

Глава 4 «Первый литературный квест» – тоже опровержение слухов о высокой степени масонства М.М. Хераскова, но сделано это в другом жанре – в жанре дознания и антикомментария. Если бы термин квест – компьютерная игра в дознание – не перетягивал на себя львиную долю задачи, в нем не было бы нужды.

Прочитав: «... для деятельных личностей... подобные увлечения скоро заканчивались глубоким разочарованием. А после того, как грянула Великая французская революция 1789 года, легитимизировавшая гильотинирование венценосцев, о приверженности зрелого человека с нормальной морально-нравственной конституцией к тайным сборищам и мутным речам не могло быть и речи...» (стр. 116).

«Чего-чего, а грязного натурализма ни в одной поэме Михаила Хераскова не найдёшь! При всём желании ничего связанного с алхимическими экспериментами розенкрейцерства в «Бахариане» читатель не обнаружит. Да и о поисках философского камня речь не идёт ни прямо, ни иносказательно...» (стр. 121).

Н. Гранцева бескомпромиссно, не допуская иных предположений, говорит: «На поверку оказывается, что поэт и в личной жизни, и в творчестве был захвачен только одним стремлением – сподвигнуть себя, читателя и воспитанника-студента к морально-нравственному совершенствованию, приближающему душу к образу к подобию божию» (стр. 116).

Если мы обратимся к книге Олега Платонова «Тайная история масонства», написанной по архивным материалам, доставшимся Советской армии при разгроме Гитлера, захватившего все масонские архивы при начале Второй мировой войны, то обнаружим, что масоны приписывали к своим рядам людей, не имеющих к ним отношения. Вот там со ссылкой на единицу хранения, О.Платонов указывает имя М.М. Хераскова, но без должности и совершенно понятно, что никогда Херасков к масонской ложе не имел отношения. Какую-никакую должность ему должны были присвоить, но он не удостоился даже 10-го ранга – «поэт-лауреат», не говоря о Великом Магистре, Мастере или хотя бы ранга Третьего Помощника Великого Смотрителя. Надо критически относиться к приписыванию Жуковского, Суворова, Кутузова, Державина, Карамзина и Грибоедова к европейским ложам. Без званий и рангов они бездействовали, а вернее, не состояли.

Почему Н. Гранцеву так волнует этот вопрос? Тут придётся провести параллель с подобной ситуацией – масонством Пушкина. Есть у А.С. Пушкина строчка (я нашла её в словаре Пушкина): «4 мая был я принят в масоны». Не нашла я первоисточник и не знаю, относится это к самому Пушкину или к наброску повести о прапорщике Черниговского полка, который был произведён в офицеры 4 мая 1825 года. Относилось это ко времени будущих декабристов, ко времени тайных, направленных на свержение царя, обществ. Друзья Пушкина, по молодости лет жаждавшего приобщиться к масонским ложам и тайным обществам, оберегали великого поэта, спасали от опасности санкций и опалы, а может быть, и казни, к чему они сами готовились сознательно. В конце жизни русский поэт был полным монархистом, добропорядочным христианином и с ужасом вспоминал времена, когда писал: «кишкой последнего попа, последнего царя удавим». Это прямо масонская цель – свести к нулю влияние церкви и уничтожить самодержавие. Пушкин, повзрослев, рад был бы отказаться от ранних заблуждений.

Н. Гранцева, больше некому, защитила русского до мозга костей М.М. Хераскова, автора духовного гимна России «Коль славен наш господь в Сионе», русской «Россиады», «Бахарианы» и других духовных и светских произведений. Хочу привести полностью слова «Духовного гимна»: их не просто читать надо, а знать на память.

Текст Гимна «Коль славен»

(слова поэта М.М. Хераскова, музыка Д.С. Бортнянского)

Коль славен наш Господь в Сионе,
 Не может изъяснить язык.
 Велик Он в небесах на троне,
 В былинках на земле велик.

Везде, Господь, везде Ты славен,
В нощи, во дни сияньем равен.

Тебя Твой агнец златорунный
В себе изображает нам;
Псалтырю мы десятиструнной
Тебе приносим фимиам.
Прими от нас благодаренье,
Как благовонное куренье.

Ты солнцем смертных освещаешь,
Ты любишь, Боже, нас как чад,
Ты нас трапезой насыщаешь
И зришь нам в Сионе град.
Ты грешных, Боже, посещаешь
И плотию Твоей питаешь.

О Боже, во Твоё селенье
Да внидут наши голоса,
И взыдет наше умиление,
К Тебе, как утрення роса!
Тебе в сердцах алтарь поставим,
Тебе, Господь, поём и славим!

Вот что сказал известный исследователь творчества Бортнянского К. Ковалёв-Случевский:

«Мелодия, которую Бортнянский написал для гимна, еще в XVIII столетии очень понравилась вольным каменщикам, и Гимн прослыл "масонским" (как известно, поэт М.М. Херасков, автор текста, был масоном, однако о Д.С. Бортнянском этого нельзя сказать, так как ни в каких известных по сию пору списках масонских лож в России он не значится; скорее, композитора можно отнести к разряду знакомых, друзей, понимающих и сочувствующих масонам, что было распространено практически среди всей придворной и мыслящей публики той эпохи). Так мелодия быстро распространилась и в Европе еще в XIX столетии».

Как въелось заблуждение о масонстве Хераскова не по масонским архивам, по цепной реакции от первой инсинуации до современного исследования.

Гимн этот некоторое время был «Гимном России», пока не сменил его «Гром победы раздавайся» на слова Г.Р. Державина, над которым Пушкин открыто иронизировал в повести «Дубровский». С той поры гимн Хераскова и Бортнянского назывался «Духовным гимном России». До революции музыка гимна исполнялась на 37 колоколах курантов Спасской башни Московского кремля и 38 колоколах Петропавловского Петербургского храма, сегодня звучит в исполнении русских хоров и в церквях во время Богослужения. «Духовный гимн России» исполнялся на погребении А.И. Солженицына. Музыка Бортнянского (не каменщика) пришла ко двору в Германии, Франции и Англии, хотя с другими текстами (музыка на текст – приоритет поэта, а текст на готовую музыку у поэтов-песенников презрительно именуется «рыбой»). «Коль славен...» после революции называли на

западе «Гимном русских эмигрантов». С 1945 года и до сегодняшнего дня немецкий вариант звучит во время специального воинского ритуала «Церемониальное посвящение» войск Бундесвера после команды «Шапки долой!», германского гимна и команды «Надеть шапки!».

Русская духовность непонятна европейцам и потому ненавистна масонам, практически сатанистам без царя в голове. Чаадаев – масон, достигший в «Петербургской Ложе Соединённых Друзей» высокой степени «Мастера». Это говорит к тому, что между масоном и не масоном разница в достижении степеней, или их отсутствие.

Философические письма Чаадаева написаны с позиции отрицания «государственности Православия», и потому Россия у Чаадаева, ориентирующаяся на Византию, которая ни Восток, ни Запад, и поэтому изоляционизм – её удел, пока не перейдёт на «римо-католический путь». Вот уж ничего не понял образованный европейски Чаадаев в соли Русской земли. Зато здесь соль масонства, противостоящего и ненавидящего Россию, что важнее другой масонской ненависти – к монархии и церкви.

Херасков М.М. ни при каких обстоятельствах не мог поддерживать эти посылы, об этом говорит он своими произведениями, своим поведением. Но словами отрицание низкопоклонства перед западом Иванов, не помнящих родства, за себя, за Хераскова и за многих выразил А.С. Пушкин в ответе Чаадаеву. Письмо его, написанное по-французски, сохранилось, хотя он не успел его послать адресату. Впрочем, возможно, это послание было адресовано нам, а не Чаадаеву.

Приведу некоторые выдержки из этого Письма:

«Что касается мыслей, то Вы знаете, что я далеко не во всём согласен с Вами. Нет сомнения, что схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые её потрясали, но у нас было особое предназначение. Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена... А Пётр Великий, который один есть всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привёл нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите Вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что паразит будущего историка? Думаете ли Вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражает, как человек с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог её дал».

Важен выход из игры, из квеста в историческую реальность, которая Гранцовой открылась: «Далеко ещё то время, когда исследователи отважатся вымолвить: и Державин, и целая когорта крупных литераторов второй половины XVIII века выросла в тени Михаила Хераскова» (стр. 122).

... В высшей степени полезную книгу Н. Гранцовой справедливо можно назвать главой монографии «Литературные атланты российского XVIII столетия». К таким титанам автор причисляет М.М. Хераскова.

К наиболее важным урокам выдающегося поэта Н. Гранцева относит благодарную почтительность литераторов по отношению к предшественникам, своего рода высокую – из века в век – наследственную линию. Она отменяет поспешные и незрелые оценки Белинского, возвращает читателя к продолжительному времени, когда создавалась русская литература. Переоценка? Совершенно верно. И наша несомненная признательность Наталье Анатольевне за то, что отныне многое – и литературные тексты, и литературоведческие придётся читать заново «Неизвестный рыцарь России» – превосходный и надёжный компас для того, чтобы как писал Хлебников, «взять верный курс».

Чтобы современному читателю не сбиться с курса, Н. Гранцева самым щедрым образом – и это ещё одно действие по возвращению М.М. Хераскова в первые ряды деятелей отечественной словесности – пересказывает и цитирует эпический шедевр Михаила Матвеевича «Бахариану». Убедительно и остроумно разъясняет, почему историей русской словесности нельзя заниматься выборочно, почему непозволительно обходить вниманием тех, кто, по убеждённому и сверхдоказательному мнению Н. Гранцевой – необходимый деятель 300-летней русской классической поэтической культуры.

Хорошая книга и «одета» нарядно и остроумно. Читатель, который время от времени будет снимать с книжной полки «Неизвестного рыцаря России», чтобы не только с бесспорным удовольствием возвращаться к тексту исследования, но и полюбоваться замечательной обложкой художника А. Панкевича, выполненной по мотивам пушкинского вступления к поэме «Руслан и Людмила», где белый и пушистый «кот учёный» – бахарь ходит по цепи...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

От державного эпоса – взхлёб к эпосу повседневному

Заметки о книге Натальи Гранцевой «Неизвестный рыцарь России» не будут полными, если мы не обратимся к практике её стихосложения. Ещё неясно, чем это кончится, но ясно с чего началось и почему так последовательно эпично. В её стихотворениях проглядывает великодержавная школа Ломоносова, Державина, Сумарокова, Карамзина, и в этой школе Херасков – важная спица в колеснице. Явление Пушкина, последовательно воспроизводящего достижения предшественников из XVIII века заложило метод постижения окружающего мира, отменило метод бросать предшественников с корабля современности и начинать с пустоты. Её мир населён образами, авторами, произведениями мировой культуры, ни одно из которых не отрицается, а утверждается и укореняется в нашей современности. Даже когда автор говорит «Я разлюбила Серебряный век» позвольте мне не позволить усомниться, что автор выходит из Серебряного века, когда пишет:

Чтобы дух человеческий вновь обмирал,
Чтобы лился в сердца благодарный хорал,
Чтобы мы разбивали неверия чаши
И могли вспоминать, если помнить невмочь,
Что когда-то однажды в морозную ночь
Нас простили за прошлое наше.

Рождество

Если захочу, расслышу здесь Блока, позднюю Ахматову и Мандельштама. Услышу покаяние не за свою вину. И как это всё современно и «перестроенно» воспроизведено. Опасаясь, что занесённый в «Красную книгу» понимающий читатель, нескоро доберётся до книг Натальи Гранцевой с нынешними-то тиражами, позволяю себе пространное цитирование

* * *

Что мне времён библейских полнота,
Коль никогда душе не повториться?
Прощай, прощай, столетье без креста –
Моей прекрасной юности гробница.

Прощай навек, уйду, не оглянусь
На твой пожар духовного заката,
На плач теней – невольниц или муз –
Перед иконой черного квадрата.

Хочу забыть, как лик её чадил,
Пока трещала разума лампада,
И войско голых сущностей водил
Андрей Платонов по земному аду.

Хочу не знать, как рылся котлован
Под новый храм иного мироздания,
С землёй во рту оптический обман,
Просивший крови, веры и страдания.

Культурный слой... Разбитое стекло.
Всё зарастает сорною травой,
И зимородок, ставший на крыло,
В речную гладь ныряет за плотвою.

И вечный сон – великий Гиппократ,
Призвав полынь, шалфей и валерьяну,
Целебный яд вливает наугад
В невидимые внутренние раны.

Страдальцев лечит чудной немотой –
Благословенной, выстраданной самой.
И кажется полжизни прожитой
Старинной историческою драмой.

Мы наслышаны «немотой» ярой последовательницы «серебряного века», мы уже знаем «Все яблоки, все золотые шары», мы узнаём поклон в сторону «иконы» «Чёрного квадрата» – иначе, зачем её и поминать? А затем, что и она, затмившая «столетье без креста», не заросла сорной травой; так после «пожара духовного

заката» дед Есенина молился осинам. Надо молиться на всеильный пятистопный ямб! О, благословенная силлабо-тоническая система – русский язык трёх поместительных веков, уходящий в бесконечность.

В эпосе нет презрения к мелочам, у Н. Гранцевой – немыслящее растение и рыбка – пещерная наскальная криптограмма – символ знающих Иисуса до его рождения.

* * *

Растенья любят время, потому
Что время их всегда идет по кругу,
Что семя их, упавшее во тьму,
Бесстрашно ждёт сияющего плуга.

Душа их беззащитна и пуста,
Как легкий газ без цвета и без вкуса.
Как будто до рождения Христа
Растенья знали притчи Иисуса,

Внимали солнцу в сладком забытьи,
И око сердца обращали к свету –
Зелёные апостолы любви,
Немые рыбки из Генисарета.

О какие многогранные символы! Мы же знаем, чего ожидали жители прибрежного Генисаретскому озеру – Капернаума. Теперь думаешь, наверное, это правда, что отсюда за неверие Христу вышел Антихрист. Умолчание одного стихотворения нас не обманет. А Наталья Гранцева от произведения к произведению слагает свой стихотворный эпос в присутствии предшественников. К стихотворению «Между дьяволом и Богом...» стоит незримый эпиграф из стихотворения Державина «Бог». Воспроизведу его.

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю;
Я царь, — я раб, — я червь, — я бог! —
Но будучи я столь чудесен,
Отколь я пришёл? — Безвестен;
А сам собой я быть не мог.

* * *

Между дьяволом и Богом,
Между властью и острогом
Бродит хаоса руно.
Реет ангел-полуночник,
Чист спасения источник –
Изумрудное вино.

Спит пастух в пещерной позе,

И на тучке-водовозе
Месяц по небу летит.
Рим разрушен и Афины,
В кровь ползут эндоморфины,
Звёздный Рак с горы свистит.

Между нефтью и алмазом,
Между злом и благом – разум,
Мыльный шарик с пустотой –
Между молнией и громом,
И в ковчежце CD-рома
Скрылся Брукнер золотой

Пусто, душно, тускло, горько.
Экстремальная разборка
Предлежит и предстоит.
В атмосфере, как цунами,
Ходит ненависть волнами,
Разверзает зев Аид.

Так кончается эпоха,
Лжи, тоски, чертополоха,
Яда, жившего в душе.
Я нисколько не горюю.
Книга Судей, говорю я,
Мной прочитана уже.

У неё сосуществуют эндоморфины – гормоны радости, отверженный Брукнер с «Библейским сюжетом» с псалмами и книгой пророка Исайи, откуда пришёл к нам пушкинский «Угль пылающий» и «ковчежец» компьютерного диска.

Поистине «сокровищ каталог». Не знаю, кто способен сегодня в век CD-рома стать на этот путь органической гармонии, без оглядки на бездуховное бытие. Наталья не отвлекается на невежество, ей надо донести «вежество» и ответить своими книгами за поколения, выпавшие из книжной культуры.

Стало общим местом уверять, что настоящий автор всю жизнь пишет одну книгу. Своим индивидуальным авторством Наталья Гранцева подтвердила этот посыл: ибо разыскания из эпохи Просвещения XVIII века и самое современное творение стихов – суть едина.

